

4. Камю, А. Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. – М., 1990. 415 с.
5. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемиические главы / Л.А. Микешина. – М. : Прогресс–Традиция, 2002. 624 с.
6. Мудрагей, Н. С. Коммуникация как мера человека (возрождая Ясперса) / Н. С. Мудрагей // Философия науки №17, 2012. С. 143–145.
7. Перцев А.В. Учение К. Ясперса о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала. Екатеринбург: Уральское книжное издательство, 1999. С. 152–167.
8. Семушкин А.В. «Осевое время» как условие и предпосылка генезиса философии на Западе и Востоке // Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М. : РУДН, 2009. С. 17–31.
9. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. 527 с.
10. Earle, W. Introduction // Jaspers K. Reason and Existenz / W. Earle. – The Noonday Press, 1955. P. 9 – 19.

Религия как «аутопойетический» феномен в его соотношении с искусством (по материалам работ Н. Лумана)¹

М.С. Лютаева

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
г.Владимир, Россия
liutaeva@yandex.ru*

Исследование посвящено рассмотрению религии как «аутопойетического» феномена в социально-философской концепции Н.Лумана. Исследуются истоки установления кода религии трансцендентное/имманентное и особенности корреляции религии с искусством.

Ключевые слова: *Никлас Луман, «аутопойетические» системы, философия религии, искусство и религия.*

Religion as an «autopoietic» phenomenon and it's relationship with art (according to the works of N.Luhmann)

*Vladimir State University
Vladimir, Russia*

The study is devoted to the study of religion as an «autopoietic» phenomenon in the socio-philosophical concept of N. Luhmann. The subject of the study is the establishment of a transcendental / immanent religion code and features of the correlation of religion with art.

Keywords: *N. Luhmann, «autopoietic» systems, art and religion.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00847 А.

Самоорганизующимися системами (или «аутопойетическими» системами) известный немецкий социолог Никлас Луман называет такие системы, которые используют свои собственные операции для построения собственных структур, которые затем система может или повторно использовать в том же виде, или изменить или исключить [1, с. 185]. «Аутопойетические» системы производят свои собственные структуры и способны определять свои операции через свои структуры. Указанные системы имеют важное качество – это закрытые системы, в том смысле, что каждая система представляет собой «обособившийся дискурс или речевую практику со своими собственными способами их порождения (кодами)», как верно определяет А.Ю. Антоновский [5, с. 33]. Дифференцированные системы не могут «пообщаться» между собой, но они сопряжены, то есть ограничивают степени свободы друг друга, координируются и подстраиваются.

Особенностью религии и искусства как социальных феноменов Н. Луман выявляет происходящее в этих системах в удвоение реальности (*Realitätsverdoppelung*) [3, с. 785]. Появляется дублирующая модель мира, которая накладывается на реальность и дает возможность наблюдения общества с позиции «другого». Отношение к этой «другой» реальности в искусстве и религии будет отличаться. Для того, чтобы наблюдать реальность ее необходимо отличить от чего-то, что не попадает под категорию «реальность». Без различения реальность не может «затвердеть», конституироваться. Реальность наблюдателя возникает только тогда, когда есть что-то от чего ее можно отличить, конституировать. Нужно провести различие – *Tiff eine Unterscheidung!* [2, с. 59].

Самой ранней формой обозначения (указания) вымышленной реальности в религиозной форме философ называет тайну (*Geheimnisvollen*), которая ограничивает коммуникацию и доступ к непостижимому. Тайна не может быть представлена как артефакт коммуникации, она не может быть сконструирована (только деконструирована) и в связи с этим возникают запреты на коммуникацию о тайне, запрещены вопросы о тайне, запрещено даже произвольное приближение к границе с таинственным. Таинственное защищено благоговейным страхом (*Schew*) [2, с. 61]. Тайна может быть коммуницируема только в особых обстоятельствах, теми, кто посвящен. Так М. Элиаде пишет о повсеместности распространения феномена «тайны», этот способ коммуникации с сакральным является основным в архаических обществах: «Нам будут все время встречаться религиозные идеи, мифологии и сценарии ритуалов, связанные с «таинством» растительной жизни. Это так, потому что источником религиозного творчества служит не эмпирический феномен земледелия, а тайна рождения, смерти и возрождения...» [10, с. 57]. «Все великие открытия и изобретения – в сельском хозяйстве, металлургии, различных технологиях, искусстве и т.д. – предполагали в самом начале сохранение тайны, потому что только посвященные в секреты ремесла могли, как тогда верили, гарантировать удачу операции» [10, с. 370].

Хотя таинственное – это другая форма реальности, она все-таки «вещь среди вещей», различимое событие. Форма различения мира через тайну все-таки связана с чувственно воспринимаемыми объектами или действиями (как например почитаемые кости предков, почитаемые статуи,

тотемные животные или действия шамана, оракула и т.д.). Маркирование мира через тайну делает доступным для коммуникации эту сферу через переключение режимов присутствия/отсутствия. При использовании заклинаний, обрядов, ритуалов включается режим «присутствия» и причастности к тайне участников данного события. «До тех пор пока тайна может быть объективирована в осязаемых состояниях, она может быть предположена в коммуникации. Она остается тайной, но той, которая видима» [3, с. 829].

В религиях откровения различение реальности через тайну оказывается недостаточным. Бог репрезентировал себя через откровение – это однократное, уникальное и неповторимое событие. Коммуникация с Богом в режиме «присутствия/отсутствия» (когда для контакта с богом необходимо выполнить определенные действия или задействовать предметы) уже не работает. Коммуникация становится актуальной через интерпретацию священных текстов, а также (отчасти спорно) в экстатических состояниях (так как в отличие от различения через тайну они невидимы другим, это уникальный индивидуальный опыт). С возникновением печати и последующей доступности священных текстов для индивидуального прочтения – сохранение коммуникации в тайне становится невозможным. В результате эволюции религии основным ее кодом становится различение «имманентное/трансцендентное» [3, с. 1034]. Причем особенностью этого кода (в отличии от кодов других систем) является то, что он направлен против различений. Трансцендентное – противоположность любых различений. Трансцендентное лишено качеств (как Бог Николая Кузанского – существующий до различений, в котором совпадают и растворены противоположности – *coincidentia oppositorum*) [9, с. 266], оно неразлично, неизвестно и не наблюдаемо. Можно провести аналогию с китайским пониманием известной концепции «Дао», которое может быть как «наименованным», так и «безымянным»: «Смотрю на него и не вижу: называю его глубочайшим. Вслушиваюсь в него и не слышу: называю его тишайшим. Касаюсь его и не могу схватить: называю его мельчайшим... Сие зовется бесформенной формой, невещественным образом...», – находим у Лао-Цзы [8, с. 30].

И при этом все переживания, опыт, коммуникации – имманентное – соотносятся с трансцендентным. Коммуникация всегда будет религиозной, если она наблюдает имманентное с точки зрения трансцендентного. Где положительное значение кода – имманентное, а отрицательное – трансцендентное. Для понимания этой схемы можно привести пример с окружностью, предложенный А.Ю. Антоновским, где пространство внутри проведенной окружности будет соответствовать имманентному, а за пределами линии – трансцендентному [5, с. 30]. Таким образом, события этого мира получают религиозное значение, когда они рассматриваются с точки зрения трансцендентного [3, с. 1037]. Трансцендентное также будет служить источником контингентности (непредвиденных обстоятельств, случайности, бесконечной вариативности возможностей). Философ интерпретирует трансцендентное как дублирование, которое невозможно сформулировать, ду-

блирование достижимого, знакомого в другой сфере смысла, которая оперативно недоступна.

Важнейшим тезисом рассматриваемой социально-философской теории Н. Лумана о системах, которые дублируют реальность – религия, искусство, язык, статистика – является, то что посредством создания воображаемой реальности, некоего «не-мира» происходит утверждение «актуальной» реальности. Если коммуникация в системе религии ориентирована на неразличимое, то искусство как раз использует восприятие (осязаемые объекты и возможности) для собственных целей и создает собственную реальность, которая отличается от обычной повседневности. И смысл этой реальности не в наполнении ее новыми объектами, которые могут нас удивить своей красотой или необычностью сочетания форм, а в том, что «воображаемый мир искусства предлагает позицию, из которой что-то еще можно определить как реальность» [1, с. 142], в создании воображаемого пространства, из которого можно наблюдать реальный мир. В искусстве совершается повторное вхождение в форму (re-entry) через воображение к реальности и обратно [1, с. 142], в религии «ge-entry» – это и есть «religio» – «связывание с начальным» (Rückbindung) [4, с. 249] – от незнакомого, неизвестного к известному и опять к неизвестному. «Религия дает незнакомому (Unvertrautem) появиться в знакомом (Vertrautem), она делает доступным его недоступность, она формулирует и практикует мировое состояние той или иной общественной системы, которая видит себя окруженной пространством и временем неизвестности» [4, с. 249].

«До тех пор пока существовала уверенность в том, что узнаваемые формы мира содержат в себе его скрытую сущность, искусство было неотделимо от религии», – читаем в работе «Искусство общества». Категория прекрасного считалась метафизической категорией и относилась к трансцендентному, и в единстве с благом и истиной красота (pulcher) считалась атрибутом Бога. Метафизическая красота (pulcher) не смешивалась с искусно сделанными, изящными (formosus) изделиями или произведениями искусства (ars) [9, с. 34; 42–62]. В искусстве изначальное отношение с вымышленной реальностью основывалось на концепции мимесиса (концепции Платона, Аристотеля), то есть подражания. Ответ на вопрос «что?» находился в сфере идеального мира, а ответ на вопрос «как?» принадлежал области «технэ» – искусности и мастерству выполнения работы. Для иллюстрации этого положения приведем слова И. Винкельмана из его работы «История искусства древности»: «Красота состоит в совершенной гармонии между творением и его идеей, а также между отдельными частями и между частями и целым» [7, с. 128]. В связи с этим первичным впечатлением от произведения искусства было «чудо узнаваемости», которое вызывало восхищение, удивление и удовольствие. Здесь искусство «на службе религии» через чувственно воспринимаемые формы, через концепцию мимесиса позволяло выйти на различение трансцендентное/имманентное. Винкельман говорит об особом почитании в Древней Греции скульптур богов, и даже целые города соперничали друг с другом в приобретении превосходных статуй божеств, где жители брали на себя расходы по их изготовлению. Некоторые города древности пользовались известностью благодаря всего

лишь одной статуе, как например античный греческий город Алифира и его статуя Афины Паллады работы Гипатодора и Сострата. Живописные изображения богов также использовались в культовой практике: изображение Афины, которое хранилось в Тегее и предназначалось для устройства лектистерний [7, с. 122].

Но искусство как система, дублирующая реальность, представляло и альтернативу миру религиозных представлений и обрядов. Так М.Бахтин отмечает, что «почти каждый церковный праздник имел свою, тоже освященную традицией, народно-площадную смеховую сторону» – это карнавалы, «храмовые праздники», *Mardi gras*, *Fastnacht* (Масленица), «*ragodia sasga*» [6]. В этом свобода искусства – любому порядку вещей всегда возможна альтернатива. При наличии любых официальных государственных, религиозных концепций мира и порядка искусство демонстрирует возможность альтернативы. В мире не может быть «последнего» истинного слова, закона, учения. «Все может быть иначе!» – таков девиз искусства. Искусство создает альтернативные миры, бесконечные горизонты возможностей, наводит мосты с невыразимым средствами языка и делает его доступным для коммуникации. Искусство, с одной стороны, способно предложить свою версию невероятного и необъяснимого, выраженного в формах, с другой стороны, отразить различие системы религии в своем ракурсе и предложить свой фокус восприятия религиозной коммуникации.

Литература

1. Luhmann N. Art as a social system. [originally published in German in 1995 under the title *Die Kunst der Gesellschaft*] / transl. by Knodt E.M. Stanford, California, 2000. 422 p.
2. Luhmann N. *Die Religion der Gesellschaft*. Suhrkamp. Verlag Frankfurt am Main 2002. 364 s.
3. Luhmann N. *A systems theory of religion*. Stanford university press. Stanford, California. 2013. (Kindel edition).6403 loc.
4. Луман Н. Общество общества. / Пер. с нем. под общ.редакцией Антоновского А., Никифорова О. В 2-х тт. Т.1, М.: Логос, 2011. 640 с.
5. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М. ИФ-РАН. 2007. 135 с.
6. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература. 1990. 543с.
7. Винкельман И.И. История искусства древности. Спб.: Пальмира. 2018. 506 с.
8. Лао-цзы. Книга о пути жизни (Дао-де цзин). С комментариями и объяснениями. М.: АСТ. 2017. 256с.
9. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. М.: АСТ. 2016. 352 с.
10. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. М.:Академический проект. 2009. 622 с.